

A dramatic illustration of a mermaid with long, flowing red hair, seen from behind, looking out at a large, ornate sailing ship that is sinking in a stormy sea. The ship's hull is dark blue with gold trim, and its masts are tall and complex. The sky is filled with dark, swirling clouds, and the water is a deep, turbulent blue. The mermaid's tail is a vibrant green and blue, and she is wearing a white, off-the-shoulder top. The overall mood is one of tragedy and mystery.

Сергей Патрушев

Потонувший корабль. Штурвал на дне. Капитан и русалка

Сергей Патрушев

**Потонувший корабль. Штурвал
на дне. Капитан и русалка**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Потонувший корабль. Штурвал на дне. Капитан и русалка /
С. Патрушев — «Автор», 2026

Капитан, который не мог покинуть свой пост даже тогда, когда вода сомкнулась над головой, а сердце пробило последний удар. Она была дочерью бездны, русалкой, чья память хранила песни китов и шёпот затонувших городов. Их встреча произошла там, куда не проникает солнечный свет, — на дне океана, среди обломков погибшего корабля и вечной тишины. Призрак, прикованный к штурвалу своей виной и своей верностью. Она, живое сияние, приплывшее на зов его одиночества. Искра, вспыхнувшая между ними, оказалась сильнее смерти, темнее глубин и ярче всех звёзд, что он когда-либо видел, стоя на капитанском мостике. Это история о любви, которая не знает границ — ни между миром живых и миром мёртвых, ни между сушей и морем, ни между человеческим сердцем и сердцем стихии. История о том, что даже на дне самой глубокой пучины можно найти прощение, покой и родственную душу. История о вечной вахте, которая из проклятия превращается в благословение, когда её несут двое.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Последняя вахта	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Потонувший корабль. Штурвал на дне. Капитан и русалка

Глава первая. Последняя вахта

Вода прибывала неумолимо. Она не врывалась бешеными потоками, не низвергалась водопадами сквозь пробоины, а поднималась исподволь, молчаливо, с жуткой неотвратимостью самой смерти. Она просачивалась сквозь переборки, лизала палубу, подкрадывалась к сердцу корабля — к его трюмам, где еще гудели, захлебываясь, последние насосы. Их вой был похож на предсмертный хрип огромного зверя, загнанного и смертельно раненого, но все еще цепляющегося за жизнь. Капитан стоял на мостике, сжимая штурвал, и чувствовал, как жизнь покидает не только его судно, но и его самого. Он отпустил команду. Приказ был отдан твердым, не допускающим возражений голосом, тем самым, которым он отдавал команды в самые страшные шторма, и люди подчинились ему в последний раз. Они смотрели на него, старые морские волки, с выражением, от которого у него сжималось сердце — не с ужасом перед надвигающейся гибелью, а с мучительным, невысказанным протестом. Они не хотели оставлять его. Они не хотели оставлять корабль.

Тишина, наступившая после того, как последняя шлюпка отвалила от борта и растворилась в серой пелене дождя, была оглушительной. Она была гуще, чем вода, заполнявшая трюм, и тяжелее свинцового неба, нависшего над мачтами. Он остался один. Один на тонущем корабле, который, как смертельно раненый левиафан, все глубже зарывался носом в пучину. Доски палубы под ногами дрожали мелкой, непрекращающейся дрожью, передавая ему каждое усилие умирающего остова. Штурвал в его руках был ледяным. Дерево, отполированное тысячами его собственных прикосновений за двадцать лет, теперь, казалось, вытягивало из его ладоней последнее тепло. Но он не разжимал пальцев. Это был его пост. Место, где капитан должен встретить свой конец. Он знал это всегда, с того самого дня, как впервые поднялся на этот мостик юным, восторженным помощником. Корабль не бросают, как бросают старую, изношенную одежду. Его принимают в свое сердце, срастаются с ним душой, и когда он умирает, часть души умирает вместе с ним. Та часть, которую уже невозможно вырвать, не истекая кровью.

Вода уже лизала основание мачты. Она была черной и маслянистой, как остывающая кровь. Капитан поднял голову и посмотрел на обвисшие, безжизненные паруса. Когда-то, под всеми парусами, на фордевинде, «Паллада» летела, как альбатрос, рассекая форштевнем волны, и пена за кормой вскипала белым флагом. Он помнил этот звук, ни с чем не сравнимый звук поющей воды и тугого, наполненного ветром полотна. Этот звук был музыкой его жизни. А теперь — лишь глухой плеск волн, лижущих гибнущее дерево, да скрип переборок, которые вот-вот лопнут под чудовищным давлением. Он крепче сжал штурвал. Как это произошло? Вопрос, на который у него не было ответа, бился в висках вместе с кровью. Шторм? Нет, шторм был жестоким, но не смертельным. «Паллада» переживала и не такие. Она была крепкой, как дуб, из которого ее построили, а ее капитан знал море, как собственное дыхание. Нет, что-то пошло не так. Что-то предательски, необъяснимо неправильно случилось в ту ночь, и теперь, стоя на краю гибели, он заставлял свою память прокручивать обратно всю цепочку событий. Он должен понять. Прежде чем уйти на дно, он должен понять, в какой момент он, старый морской волк, совершил ошибку.

Перед его мысленным взором проносились картины прошлого, яркие, как вспышки молний. Вот он, совсем еще мальчишка, впервые видит море. Не этот серый, холодный океан, бескрайний и равнодушный, а теплое, южное море, пахнущее солью, водорослями и рыбой. Он стоит на деревянном пирсе, босиком, чувствуя босыми ступнями нагретое солнцем, шершавое дерево, и смотрит, как рыбацкие баркасы, покачиваясь, уходят в сверкающую на солнце даль. Это было первое обещание, первый зов, который он слышал не ушами, а чем-то глубинным, что спало в его груди и внезапно проснулось. Он понял тогда, что другой жизни для него не будет. Не будет дома, уютно утопающего в зелени сада, не будет размеренных воскресных обедов в кругу семьи, не будет спокойной, предсказуемой старости. Будет только это — зов бескрайнего простора, соленый ветер в волосах и палуба, уходящая из-под ног.

Видение сменилось. Трюм корабля содрогнулся от глухого, протяжного стога, и палуба под ногами накренилась еще на несколько дюймов. Казалось, само судно просит его не вспоминать, не тратить последние мгновения на бесплодную рефлексию, а просто отпустить, как он отпустил свою команду. Но он не мог. Память держала его здесь крепче, чем швартовы, которыми корабль был привязан к причалу. Она нахлынула на него, как наступающая вода, и он захлебывался в ней.

Ему было пятнадцать, когда он ушел в море юнгой. Первый корабль, старая, разохшаяся калоша, совершавшая каботажные рейсы, казался ему величественным фрегатом. Как же его тошнило в первые дни! Он помнил насмешки старых матросов, их грубые, но беззлобные шутки, помнил, как драил палубу до мозолей на ладонях, как учился вязать узлы, сбивая пальцы в кровь. И помнил первого капитана, сурового, молчаливого норвежца с лицом, изрезанным шрамами и морщинами, как старая навигационная карта. Капитан никогда не повышал голоса, но одного его взгляда было достаточно, чтобы самый отъявленный смутьян втягивал голову в плечи. Он учил его не по книгам, а сердцем. Учил чувствовать корабль, как живое существо. «Корабль, — говорил он, медленно прохаживаясь по мостику и покуривая свою вечную трубку, — это не кусок дерева и парусины. Это женщина. У нее есть душа, есть характер, есть капризы. Она может быть ласковой и послушной, а может — строптивой и своенравной. Чтобы понять ее, ты должен слушать ее дыхание, чувствовать биение ее сердца. Если ты полюбишь ее, она ответит тебе тем же. Она пронесет тебя через такие шторма, в которых устоит не каждый утес. Но если ты отнесешься к ней с холодным расчетом, как к бездушному механизму, она предаст тебя в самый неподходящий момент».

Старик учил его слушать скрип мачт, предсказывающий перемену ветра, читать облака, как раскрытую книгу, различать оттенки воды, говорящие о близости рифов или перемене течения. Он учил его искусству быть частью стихии, не противостоять ей, а договариваться. И он, мальчишка, впитывал эту науку, как сухая губка впитывает воду. С каждым днем он все больше и больше влюблялся в эту жизнь, полную лишений и опасностей, но вместе с тем невероятной, пьянящей свободы. Свободы, которую не знает человек на берегу.

Капитан переложил штурвал, рефлекторно, следуя движению волны, которой уже не было. Его руки двигались сами по себе, продолжая нести вахту даже на пороге вечности. Воспоминания текли дальше, сменяя друг друга, как кадры старой кинохроники. Его первое повышение, гордость, распиравшая грудь, когда он впервые сам встал за штурвал на ночной вахте. Его первая любовь — девушка из портового городка, глаза которой были синее, чем море в штиль. Она ждала его, провожала в рейсы, махала платком на пирсе, но он всегда знал, что его главная любовь — это море, и она это чувствовала. Она ушла, не дождавшись, и он не винил

ее. Он винил себя. Вернее, не винил, а принимал как данность. Он был обручен с океаном, и этот брак не терпел измен.

Ему было тридцать, когда он впервые увидел «Палладу». Она стояла в сухом доке, и ее обнаженные шпангоуты напоминали ребра гигантского кита. Она была запущена, грязна, с облупившейся краской, но в ее линиях, в благородном изгибе форштевня, в стремительной высоте мачт было что-то, что заставило его сердце замереть. Он влюбился в нее с первого взгляда, как влюбляются в женщину, которую ждал всю жизнь. Он видел не старую, потрепанную жизнью развалину, а будущую королеву морей. Он знал, что у него не хватит денег, чтобы купить даже шлюпку, не говоря уже о целом барке. Но он знал и другое — этот корабль будет его.

Он продал все, что у него было. Он влез в невероятные долги, заложил душу дьяволу, как говорили его друзья, и сам встал к верстаку. Три года он жил и спал в этом сухом доке. Три года он своими руками перебирал каждую доску обшивки, менял прогнивший рангоут, конопатил, смолил, красил. Он знал на ощупь каждую заклепку, каждый шпангоут своего корабля. Его ладони загрубели, на них навечно отпечатались шрамы от стамески и вант. Но по мере того, как «Паллада» возрождалась, обретая форму и стать, росла и его душа. Он говорил с ней. По ночам, когда рабочие расходились, он сидел на ее борту, курил и рассказывал ей о морях, по которым они пойдут, о звездах, которые будут вести их, о штормах, которые они одолеют. Он дал ей имя — «Паллада», в честь Афины Паллады, богини мудрости и справедливой войны. Он верил, что она принесет им удачу. И она приносила.

Корабль под ним вздрогнул и издал звук, похожий на тихий стон. Носовая часть уже почти полностью погрузилась в воду, и бушприт, как указующий перст, указывал прямо в пучину. Волны с шипением перекачивались через бак. Время замедлилось, растягивая минуты в часы. Капитану казалось, что вся его жизнь проносится перед глазами не за одно мгновение, как говорят, а медленно, тягуче, позволяя рассмотреть каждую деталь. Он увидел их первый совместный выход в море. Сияющее солнце, свежий бриз и «Палладу», которая, словно сбросив с себя годы сна в доке, летела по волнам, как прекрасная дева, расправившая свои белоснежные одежды. Это был самый счастливый день в его жизни. Он стоял на этом самом мостике, у этого самого штурвала, и слезы счастья текли по его обветренным щекам, смешиваясь с солеными брызгами. Он не стыдился их. Он привел свою возлюбленную в ее родную стихию.

Потом были рейсы. Десятки, сотни рейсов. Он видел, как встает солнце из вод Индийского океана, и как айсберги сверкают алмазными горами в холодных водах Атлантики. Он огибал мыс Горн, где волны высотой с горы обрушиваются на палубу, и его «Паллада», скрипя всем корпусом, взбиралась на них, как отважный альпинист, чтобы снова рухнуть в бездну. Он проходил через полный штиль, когда океан становится гладким, как зеркало, и паруса бес- сильно обвисают, а душу гложет тоска и чувство собственной ничтожности перед лицом бес- конечности. Он пережил эпидемию лихорадки на борту, когда хоронил своих моряков в море, зашитых в парусину, и читал молитву дрожащим от горя и бессилия голосом. Он терпел кру- шения надежд, потерю друзей, предательство партнеров, но всегда, когда он возвращался на борт «Паллады», поднимался по сходням и вдыхал запах смолы, дерева и моря, его сердце успокаивалось. Это был его дом. Его единственный настоящий дом.

Вода подбиралась все ближе. Она уже залила главную палубу и начинала свой подъем по трапу на мостик. Холодный, влажный воздух наполнился каким-то особенным, зловещим

запахом — запахом мокрого дерева и чего-то гнилого, поднимающегося со дна. Это дыхание бездны. Стало нестерпимо холодно. Пальцы, сжимавшие штурвал, онемели и перестали его слушаться. Капитан с трудом заставил себя перебирать в памяти самые теплые воспоминания, чтобы хоть как-то согреться изнутри. И снова, как в видении, перед ним возникла она. Не богиня, не корабль, а живая женщина из плоти и крови. Анна. Ее имя было как тихий выдох. Она появилась в его жизни, когда ему было уже за сорок, и он давно перестал верить, что способен полюбить что-то, кроме моря. Она была метеорологом в портовом управлении. Он пришел к ней уточнять прогноз, а остался на всю ночь, говоря о циклонах, антициклонах и пассатах. Она понимала его с полуслова, потому что тоже была влюблена в стихию, в небо и ветер. Она была единственной, кто не ревновал его к «Палладе». Она говорила, что влюбилась в него именно из-за этой одержимости. Она принимала его целиком, с его бесконечными рейсами, с его морской солью, въевшейся в поры кожи, с его рассеянностью на берегу, когда он мыслями был еще в море. Она ждала его. Всегда ждала. И каждый раз, когда он возвращался, на пирсе его встречал ее светлый силуэт. Это был маяк его души.

И в прошлом году ее не стало. Быстро, нелепо, на берегу. Сердце. Он не успел. Он был в море, когда она умерла. Весть о ее смерти застала его в порту, когда он, окрыленный скорой встречей, сходил на берег с букетом ее любимых белых лилий. Он опоздал. Лилии завяли еще до похорон. С того дня в его душе что-то надломилось, как ломается мачта под порывом шквала. Он продолжал ходить в море, продолжал командовать, но огонь в его глазах потускнел. «Паллада» почувствовала это. Он знал. Она стала чаще капризничать, ее начало водить по курсу, она стала требовать больше внимания. Корабль, как верная собака, тосковал вместе с хозяином. Их последний рейс начался под каким-то тяжелым, гнетущим чувством. Экипаж, старый, проверенный, замечал это и перешептывался по углам. Старый капитан сдавал, говорили они. Он потерял удачу.

Он вспомнил ту ночь. Шторм начался внезапно, с ураганного шквала, который обрушился на них, словно с неба упала скала. Он не успел убрать паруса. Огромный вал, черный, как чернила, ударил в борт. И сразу за этим — чудовищный треск, от которого кровь застыла в жилах. Судно содрогнулось, как от удара молота великана. Руль стал ватным, бесполезным. «Паллада» потеряла управление и легла в дрейф, став игрушкой в лапах обезумевшей стихии. И вот, спустя сутки этой агонии, вода все-таки победила. Вода просочилась в трюм, и старые доски, которые он когда-то с такой любовью подгонял друг к другу, затрещали и разошлись, впуская смерть.

Но в тот критический момент, когда рухнула грот-мачта, пробив палубу, и крен стал угрожающим, он увидел его. Трещину. В главном шпангоуте. Крошечную, почти незаметную глазу, трещину в самом сердце корабля, которую он пропустил. Два месяца назад, в доке, когда корабль осматривали, он торопился. Торопился уйти в море, бежать от тоски, заполнявшей его пустой дом на берегу. Он сам подписал акт осмотра, не проверив, положившись на слово мастеров, потому что хотел поскорее выйти в рейс. К Анне. Он и так уже опоздал. Это была его ошибка. Не стихия, не рок, не злой умысел. Его собственное, личное преступное разгильдяйство, его торопливое желание убежать в море от боли на берегу. Он хотел к ней, к морю, к их общему утешению, а убил и корабль, и себя.

И теперь вода, поднявшись до его колен, была уже не просто стихией. Она была воплощением его вины. Ледяная, она сжимала ноги, поднималась к груди, и он не сопротивлялся. Штурвал уже не казался ледяным. Он стал частью его рук. Капитан закрыл глаза. Перед ним снова встало лицо Анны, ее ясные глаза. Потом — облик «Паллады», гордой и прекрасной,

скользящей по волнам. Он не чувствовал страха. Только огромную, всепоглощающую усталость и странное, горькое умиротворение. Он понял все. Он принял свою вину. Осталось лишь завершить ритуал.

Корабль уходил под воду с тихим, почти нежным вздохом. Мостик, нос, мачты — все, что еще оставалось на поверхности, с плавной неотвратимостью погружалось в пучину. Капитан, сжимая штурвал, уходил на дно вместе со своим кораблем, как и подобает настоящему капитану. Последняя вахта была завершена. Вокруг смыкалась черная, безмолвная бездна, и в этой бездне навсегда растворились и его корабль, и его любовь, и его непростительная, роковая ошибка. Море приняло их, наконец, в свои объятия.

Он ожидал, что смерть будет мгновенной — удушающий поток, соленая глотка океана, и всё. Но смерть не торопилась. Она оказалась терпеливой и почти ласковой, как мать, укачивающая дитя. Время, которое до этого несло галопом, вдруг замерло, растянулось в тягучую, звенящую нить. Он всё еще стоял на мостике, сжимая штурвал, но мостик этот превратился в призрачный корабль, парящий в зеленоватом безмолвии. Вода сомкнулась над его головой, холодная и плотная, как жидкое стекло, но дыхание не перехватило. Он сделал вдох — и не захлебнулся. Он вдохнул эту воду, и она вошла в его легкие, но не обожгла, а наполнила их странной, неземной прохладой. Он стал частью пучины. Его тело, казалось, растворилось в этой бескрайней толще, но сознание осталось кристально ясным, привязанным к штурвалу незримой пуповиной. Он был последним сердцем корабля, бьющимся в его деревянной груди, и пока он держался за свой пост, «Паллада» не умирала окончательно. Она погружалась в вечный сон, и он погружался вместе с ней, в ту бездну, где больше не было ни времени, ни боли, ни разлуки.

В этой подводной тишине, нарушаемой лишь отдаленным гулом подводных течений, он снова остался один. Но одиночество это не было пустым. Оно было населено призраками. Вода, словно проявитель для фотографических пластин, вызвала к жизни образы, дремавшие в дереве и железе. Сначала он услышал голоса. Они звучали не снаружи, а где-то внутри него, в том пространстве, что было и им, и кораблем одновременно. Вот хрипловатый смех старого норвежца, первого капитана, и его неизменную трубку, которую тот выбивает о планшир, глядя, как солнце садится в золотую воду. Вот звонкий тенор юного юнги, его первого ученика, который спрашивает, правда ли, что на дне океана живут драконы. Вот мягкий, успокаивающий голос Анны, читающей ему на ночь сводку погоды, и шорох ее платья, и запах ее волос, пахнувших не солью, а ландышами. Голоса плыли сквозь него, как теплые и холодные течения, и каждый из них оставлял свой след — один царапал сердце острым сожалением, другой согревал тихой радостью узнавания. «Паллада» хранила их всех. Каждое слово, каждый крик, каждый вздох, когда-либо прозвучавший на ее палубе, запечатлелся в ее деревянной душе, и теперь, на пороге вечности, она возвращала их ему, как последний, бесценный дар.

А потом пошли картины. Они возникали прямо в толще воды, перед его широко раскрытыми, невидящими глазами, сотканные из фосфоресцирующего света и колышущихся водорослей. Он увидел, как в их первую встречу «Паллада» стояла в сухом доке, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь дырявую крышу, рисовали на ее обнаженных шпангоутах золотые письмена, обещание будущей славы. Он увидел себя, молодого, полного яростной, нерастраченной силы, с руками, израненными в кровь, но не чувствующими боли, потому что боль эта была сродни молитве. Он трудился над ней, как Пигмалион над своей Галатеей, вкладывая в каждую доску не просто умение, а частицу собственной души. И она оживала под его руками, дышала, теплела, наливалась скрытой мощью. И вот он спустился в трюм в тот самый день, два месяца

назад, когда его пальцы, огрубевшие и потерявшие былую чуткость, скользнули по главному шпангоуту. Он ясно увидел это. Тонкая, как паутинка, трещина, уходящая вглубь дерева. Он даже задержал на ней взгляд. На долю секунды. Но в голове уже шумело море, в сердце саднила тоска по ушедшей Анне, и он подумал: «Ничего. Выдержит. Мы всегда выдерживали». Он отдернул руку, как от горячей плиты, и отвернулся, сделав вид перед самим собой, что ничего не заметил. Видение было настолько ярким, настолько беспощадным в своей детальности, что он застонал, и стон этот пузырьками воздуха скользнул по его щеке. Это был не рок. Это был даже не несчастный случай. Это был грех самонадеянности, грех человека, который возомнил себя сильнее дерева и стали. И теперь, в этой подводной исповедальне, он смотрел на свое преступление, не отводя глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.